

17. Кудинский В.Б., Кирилина А.В. (Ред.). Кудинский В.Б. (гл.ред.), Кирилина А.В. (отв.ред.), Усик А.Ф., Филиппов В.С. Федеральный военный мемориал «Пантеон защитников Отчества» в историческом развитии (2001–2021) / В.Б. Кудинский [и др.]; под ред. В.Б. Кудинского. М.: издательство и типография «Лантана-принт», 2021.

**ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ
В БССР (1921-1941 гг.)**

**INFORMATION AND PROPAGANDA SUPPORT
OF ANTI-RELIGIOUS WORK IN THE BSSR (1921-1941)**

И.И. Янушевич

I.I. Yanushevich

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, *yanush@bsu.by*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, *yanush@bsu.by*

В статье анализируется содержание информационно-пропагандистской работы антирелигиозного аппарата советского государства. Установлено, что в рассматриваемый период шел процесс поиска оптимальных идеологических установок для осуществления практической работы на местах. Определено, что антирелигиозная пропаганда полностью была подчинена решению текущих задач внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда; атеизм; коммунистическая партия.

The article analyzes the content of the information and propaganda work of the anti-religious apparatus of the Soviet state. It is established that during the period under review there was a process of searching for optimal ideological attitudes for practical work on the ground. It is determined that antireligious propaganda was completely subordinated to the solution of the current tasks of domestic and foreign policy.

Keywords: anti-religious propaganda; atheism; communist party.

Получение власти сначала в Петрограде, а затем и на более отдаленных территориях вплоть до достижения границ СССР 1941 г. требовали от партии большевиков, их лидеров, антирелигиозного аппарата обозначения своего понимания значения наличия религии, церковных организаций, духовенства в советском государстве. Теоретические выкладки о «логичности» и «обоснованности» отказа от религиозных верований, «перспективности» и «актуальности» построения коммунистического государства, «иллюзорности» Бога были достаточно обширны. Из всего этого многообразия необходимо было выбрать то, что сообразовалось бы с государственным строительством в перспективе и вопросом удержания власти. Предлагаемая потребителям информация

в тоже время должна была стать органической частью мировоззрения советского человека. Для организации антирелигиозной работы следовало в первую очередь обозначить бесосновательность религиозных верований как таковых, обосновать неизбежность построения коммунистического общества и очертить понятный путь, программу борьбы с религией и церковью. Приступая к практической реализации комплекса теоретических задач по построению социалистического или коммунистического общества большевикам необходимо было выработать и постоянно актуализировать идеологическое обоснование логичности и закономерности своего учения и применяемых в соответствии с ним управленческих решений. На идеологический аппарат возлагалась функция выработки потока информации, оказывающей максимальное содействие реализации внутренней и внешней политики [1, с. 13-16]. Религия как часть мировоззрения человека выбивалась из общего контекста народнохозяйственной и социально-политической агитации. «Освящение», легитимация власти были ее одной из функций, а в России фактически вся жизнь человека была пронизана религиозными действиями и установками. Значение РПЦ в жизни общества было колоссальным. Стремящиеся к максимальному ограничению влияния Православной церкви либеральные российские круги ни в коем случае не предполагали вывести ее из системы управления массами. Большевики же предполагали сломать все противоречащие коммунистическому учению устои буржуазного прошлого. В рамках этого процесса предстояло ликвидировать идеалы и институты, объединяющие потенциальных противников нового режима. В Российской империи оплотом державности, стабилизирующим фактором являлась РПЦ и иные традиционные культы. Следовало возвести в ранг государственной идеологии разрушающую православие как составную часть мировоззрения более чем ста миллионов людей и их религиозность, как фактор естественного состояния общества. Большевики не могли позволить себе нейтральное отношение к религии и в силу того, что на пути к коммунизму вера в сверхъестественные силы должна была исчезнуть [2, с. 41-42]. Членом коммунистического общества мог быть только атеист-материалист.

Для управления массами требовался новый действенный механизм, новая идеология, новое миропонимание, а материал для построения безрелигиозного общества был в абсолютном большинстве своем религиозен или, по крайней мере, принимал участие в тех или иных религиозных действиях. Классики марксизма-ленинизма однозначно указывали, что социально-бытовые условия жизни, ее качество основополагающим образом влияют на мировоззрение человека. В случае с Советской Россией резкого поднятия уровня экономического развития и

благополучия граждан в ближайшей перспективе не просматривалось, а государственное строительство необходимо было вести ускоренными темпами. В религиозной части идеологической работы следовало дать четкие установки по двум основным направлениям. Первое, обозначить причины, по которым современный человек должен быть именно атеистом, и второе, продемонстрировать опасность контрреволюционной природы религии. И здесь как альтернативу влияния религии и церкви высшее партийное руководство начало внедрять коммунистическое учение как «религию без мнимых богов» [3, с. 42]. Следует отметить, что без искренней убежденности в своих действиях 300 тысяч большевиков не смогли бы увлечь или нейтрализовать своими действиями по строительству нового мира миллионы граждан. И эта убежденность или роль были сродни вере в непогрешимость, правильность, выверенность марксизма и коммунизма. И в достижение своих целей приверженцы «коммунистической религии» готовы были заимствовать у религии и церкви наиболее популярные и распространенные символы. Доходило вплоть до изображения К. Маркса в виде бога-отца на небесах с «Капиталом» в руках вместо скрижалей [3, с. 42]. Сакральность и в культе почитания В.И. Ленина, иных вождей партии и особенно И.В. Сталина. Главной проблемой для руководства компартии, особенно антирелигиозного аппарата, являлось то, что подобные убеждения, вера в коммунизм должны были сначала стать массовыми, а затем и овладеть всеми гражданами страны Советов. Внятного же ответа, почему верующий человек не мог быть полноценным строителем социализма и коммунизма, не смотря на многочисленные вопросы населения и аксиомы пропагандистов, так и не было получено [4, л. 23].

Как уже отмечалось, на пути превращения советского гражданина в атеиста секуляризация, «общество свободное от религии» рассматривались в качестве промежуточного этапа. Он, безусловно, требовал соответствующего информационно-пропагандистского сопровождения. Необходимо было убедить население, особенно партийный и советский аппарат, в неминувости построения коммунизма. Весь ход человеческой истории, согласно марксизму-ленинизму, указывал на то, что существующие формы государственного устройства исчерпали себя и стоят на грани трансформации, а в Советской России этот процесс уже запущен [5, с. 13]. Религия же жизнеспособна только в обществах уходящих, основывающихся на эксплуатации человека человеком формаций. Если господствующие классы низвергнуть, а потом и полностью их ликвидировать, то и простой человек сможет жить в соответствии со своими собственными интересами, а не по указке «попа», как свободный индивид, а не «раб божий». «Коммунистическая революция...

самым решительным способом» порвала с идеями, унаследованными из прошлого, что обосновывалось как залог правильности направления движения советского государства и общества [5, с. 13]. У человека появилась возможность обладать средствами производства и, низвергнув правящие классы, опровергнуть «социальные принципы христианства», самостоятельно обеспечивать свою жизнь благодаря новой политической системе. Здесь же пропаганда указывала на основные угрозы данному процессу. Реставрационные настроения, главным образом «бывших людей», обозначались существенным препятствием в сохранении достижений Октябрьской революции. Публично отрекаясь от Бога, отказываясь от религиозных обрядов и таинств, человек якобы обеспечивал и себе, и государству безопасную, достойную жизнь на земле. Безбожие возводилось в возможность идти по пути самого справедливого общественного строя – коммунизма.

Подобная мотивация, безусловно, могла воздействовать и быть эффективной по отношению к человеку неверующему или не воцерковленному. Резолюция XII съезда РКП(б) 1923 г. констатировала, что «религиозные верования еще долго будут сохранять под собой почву», а работа партии «по окончательному разрушению религиозных верований... приобретает прежде всего характер углубленной систематической пропаганды» [5, с. 5]. Однако материализм рассматривался как одна из составных частей лояльности Советской власти [6, с. 418]. Атеизм же в государстве, где 80-90% населения являлись верующими, мог носить только ярко выраженный наступательный характер [7, с. 224].

Партийные решения 1921 г., 1923 г., 1924 г. антирелигиозным аппаратом на местах не могли быть восприняты иначе как смена курса [3, с. 35]. Репрессивные действия 1930-х гг. привели большинство руководящего состава на местах к мысли о неактуальности агитационно-пропагандистской работы, явно проигрывающей действиям органов безопасности. Декларируемые публично ленинские требования «заботливо избегать оскорбления чувств верующих» и сталинские «терпеливо и настойчиво» не соотносились с антирелигиозным ресурсом идеологической вертикали. Такие политические деятели как Л.Д. Троцкий, П.А. Красиков и др. давали сигналы на места о необходимости проведения жесткого курса, вплоть до авантюрных мер. В руководящих документах четко указывалось – «обеспечить отрыв молодежи от церкви». Следует отметить, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В.И. Ленин из общего объема работ религии уделяли весьма незначительное внимание. Еще меньше высказывал свою позицию И.В. Сталин, особенно что касалось религиозности, веры в Бога [9, л. 21-22]. В.И. Ленин рассматривал борьбу против религии «не как особую задачу пролетариата и его

партии, стоящую отдельно от других задач, а как составную часть всей общепролетарской борьбы за уничтожение капитализма, построение социализма и коммунизма» [5, с. 3]. Отношение к религиозным организациям идеологическим активом должно было соотноситься с «политическим моментом». Фактически одновременно шла установка с требованием «научности» в атеистической пропаганде, «терпения» к «религиозным предрассудкам» и усиления красного террора, вскрытия мошей, грабежа молитвенных помещений и насилия над пастырями. С одной стороны, красной нитью проходила логическая последовательность пути перехода атеиста на антирелигиозные рельсы: получение информации о религии обозначающей неисторичность библейских персонажей, в том числе Иисуса Христа, «земное происхождение праздников», экономический характер деятельности религиозных структур; изменение социально-бытовых условий; развитие культуры, образования и науки. Все это должно было захватить человека, вовлечь в общественную деятельность, привить советскую обрядность и традиции, тем самым заменив религию, церковь, семью. В теории эти институты были не нужны, кроме реабилитированной здравомыслящими коммунистами семьи. Государство, партия обозначали, что весь спектр функций религии берут или могут взять на себя, освятив их знаменем коммунизма. Здесь же важно отметить, что в конце 1920-х гг. достаточно жестко был поставлен вопрос и моральном облике самих активистов-безбожников [10, с. 17-23]. Совершенно необходимо было отбросить ранее насаждаемые разного рода посягательства на интимную сторону взаимоотношений единомышленников [11, л. 106-107]. От них требовался максимально возможный отказ от алкоголя [12, л. 40]. Безбожников призывали к участию в соответствующих мероприятиях, к ударному труду, овладению знаниями, в том числе в области религии, истории церкви [13, л. 29, 33]. С другой стороны, в реальности к декларируемым постулатам необходимы были и практические указания. Они звучали совершенно по-иному: «религия – тормоз», «религия – враг социализма», «разрушим черные гнезда» [14, с. 341-342].

Таким образом, методические указания по формированию безрелигиозного общества, распространению атеизма имели широчайший спектр. От классических трудов основоположников марксизма-ленинизма, произведений атеистов XVIII-XX веков до демагогических требований Троцкого, Костеловской, Ярославского. Научно-экспертные труды Красикова, Крупской, Бонч-Бруевича, Луначарского, попытки здравого осмысления ситуации Калининым, Рыковым, Бухариным, Горьким не могли не оказывать влияния на антирелигиозный аппарат. Однако непосредственные указания к действию вырабатывались в

антирелигиозной комиссии ЦК компартии, в VI отделе ВЧК-ОГПУ и лично В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, И.В. Сталиным и фактически на практике нивелировали всю имевшую место теорию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Луначарский А.В.* Об антирелигиозной пропаганде // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 13-16.
2. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Самара: 1920.
3. *Алексеев, В.А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 353. Оп. 8. Д. 8.
5. *Платонов Р.П.* Научно-атеистическая пропаганда: пути повышения эффективности. Минск: 1978.
6. *Ленин В.И.* Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Политиздат, 1967. С. 415–426.
7. *Круглов А.А.* Основы научного атеизма. Минск: Беларусь, 1983.
8. О постановке антирелигиозной пропаганды. Известия ЦК РКП (б). 1922. № 2. С. 2-4.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15592.
10. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. М.: ГАИЗ, 1932. 213 с.
11. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 193.
12. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338.
13. НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 27.
14. *Янушевич И.И.* Идеологическое обоснование «контрреволюционной сущности» религии и церкви в Советском государстве // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. Вып. 16. С. 336-344.